DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_6

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ТУРУХАНСКОГО КРАЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

ЧУРСИНА Антонина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».
E-mail: chursina1304@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена рассмотрению направлений деятельности органов советской власти в Туруханском крае в первые годы после установления советской власти. Показано, что северные инспектора способствовали достижению первых продуктивных результатов в работе по советизации туземцев, а создание родовых советов положило начало их сближения с органами государственной власти и становления собственной системы управления. Статья основана на привлечении текстовых материалов и архивных материалов Государственного архива Красноярского края, впервые вводимых в научных оборот.*

Abstract. *The objective of the article is to analyze new socioeconomic conditions of life of indigenous peoples of Turukhansk region during the first years of the Soviet state. The findings of the paper suggest that the prime necessity for the Soviet government was to establish the local Soviet authorities at the territory of the Far North, to abolish tribal princes as a social institution and to develop tribal councils. The article reveals the positives results of the activities of first "Soviet inspectors" in sovietizing the indigenous peoples, with tribal councils being the driving force to develop close relationship with Soviet authorities and to establish of the local system of government. The article is based on textual evidence and Krasnoyarsk regional archival sources introduced for the first time.*

Ключевые слова: *Туруханский край, Енисейская губерния, Сибирь, коренные малочисленные народы, советская власть, северный инспектор, родовые советы, статистика.*

Keywords: *Turukhansk region, Yenissei Gubernia, Siberia, indigenous peoples, Soviet government, North Inspector, tribal council, statistics.*

С середины XIX в. до 1917 г. инородческий вопрос был для царского правительства особо актуален: просвещение, образование, социальная защита, медицинское обслуживание, и в целом создание национальной интеллигенции. Как отмечают современные авторы, решение данных вопросов не теряет своей актуальности и в настоящее время [1], [2].

В области просвещения государство на законодательном уровне поддерживало обучение аборигенов. Параграф 30 «Положения об инородцах» (1892 г.) предоставлял им право с позволения начальников губерний или областей заводить собственные школы, а также отдавать своих детей для обучения в различные учебные заведения. Однако, необходимых финансовых средств на открытие школ царское правительство власть не выделяло.

В досоветский период размышления о положении коренных народов Енисейского Севера публиковали государственные чиновники, сотрудники статистического комитета Енисейской губернии, ученые и представители демократически настроенной интеллигенции. Все они сходились в том, что положение коренных народов Енисейского Севера является близким к катастрофическому или катастрофическим и предлагали варианты хотя бы частичного решения их экономических и социальных проблем [3].

Так, губернатор Л.К. Теляковский (1894 г.) предлагал формировать учительские кадры из мальчиков-выпускников Туруханской церковно-приходской школы из числа инородческого населения. В последующем, они просвещали бы своих сородичей не испытывая при этом языковых барьеров [4].

Енисейский губернатор А.Н. Гирс, который в 1908 г. с группой чиновников выезжал по Енисею до выселка Усть-Курейский за Полярным кругом, пришел к выводу, что в интересах государства необходимо принимать меры по защите инородцев. Согласно отчету о поездке губернатора, в Туруханском крае, около 70% жителей относились к коренным народам севера, медицинскую помощь населению осуществляли врач и 4 фельдшера, что было явно недостаточно для кочевого населения [5].

Поскольку отсутствовал структурированный проект преобразований в социально-экономической сфере северных народов, все предложения оставались на уровне доктрины.

Период середины XIX в. до 1917 г. по отношению к коренным малочисленным народа Севера можно расценивать как процесс активного вовлечения в торгово-экономические отношения с русскими и постепенного превращения в подданных государства.

После Октябрьской революции Туруханский край населяло около 16 тыс. человек. Русское оседлое население составляло 5,4 тыс. чел., инородческое туземное население – около 11 тыс. чел. (Таблица 1).

Таблица 1 – Состав инородческого населения Туруханского края после 1918 г.
*** составлено по ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 259.**

енисейские остяки	тунгусы	якуты	долгане	самоеды	остяки-самоеды	юраки
1281 чел.	2913 чел.	2858 чел.	984 чел.	899 чел.	1084 чел.	560 чел.
3 рода	12 родов	3 рода	2 рода	4 рода	3 рода	2 рода

Часть инородческое население сохранило свой язык и бытовые условия жизни, и в большинство своем оно совершенно не знало русского языка. Народы вели кочевой или бродячий образ жизни, занимались оленеводством и охотничьим промыслом. Ежегодно добываемая ими пушнина (песец, белка, горностай, колонок), оценивалась свыше 1 млн. руб. золотом. Ценность туруханской пушнины была настолько высока, что занимала первые места на Европейских пушных рынках [6]. Ответственность за бедственное положение малых этносов Севера ко времени установления новой власти всецело возлагалась советским государством на царское правительство [7].

Британский журналист и политический редактор журнала «Spectator» Дж. Форзит в книге «История народов Сибири: Российская Североазиатская колония 1581-1990» отмечает, что, будучи вечными жертвами колониального режима, коренные народы Сибири часто испытывали страх, недоверие и неприязнь к пришедшим к ним русским, от назойливого присутствия которых не было никакой возможности избавиться. Деятельности советской власти в 1920-1923 гг. среди коренных малочисленных народов, носила, по мнению автора, филантропический характер [8].

Первоочередной задачей советского руководства являлось создание органов управления на Севере, в частности упразднение института родовых князей и их замена родовыми советами [9].

По причине отсутствия средств передвижения первые попытки краевых органов власти (Крайревком, в последующем Крайисполком) связаться с населением Туруханского края начинали проявляться в 1921 г. через представителей Енисейского губернского союза кооперативов (далее – Енсоюз). Так, например, связь с Илимпийской тундрой была возможна только зимой с установлением санного пути, когда инородцы группировались на некоторое время в определенных местах (о. Есей и др.), следовавшие почти по одним и тем же дорога, что и торговые экспедиции Енсоюза, летом же они кочевали, теряя между собой всякую связь [10].

Из докладной записки о состоянии Туруханского края и аппарата по управлению туземными племенами, датированной 1925 г., следовало, что эти мероприятия не дали никаких результатов, так как средства связи практически отсутствовали, а большинство представителей коренных малочисленных народов, привлеченных к процессу советизации, оказались совершенно чуждыми советской власти и даже враждебными ей; поездки были чисто случайными, не носящими никакого планового и продуманного характера [11].

В Отчете за июль 1922 г. председатель Туруханского Краевого исполнительного комитета (далее – Туруханский Крайисполком) Ф.Я. Бабкин отмечал, что взаимодействие с родовыми советами было затрудненным. Связь с ними и распространение в тундре идей о советской власти возможны были только зимой через выходящих из тундры для товарообмена инородцев. Более всего оказалась налажена связь с Тазовской тундрой, где проживал старший милиционер Тазовского участка. Учитывая отсутствие дорог и постоянных поселений, ездить по тундре можно было на большом количестве оленей, целиной и при этом иметь с собой перевозной чум. Туруханский Крайисполком не располагал необходимым количеством оленей, поэтому постоянной и регулярной связи установить со своей стороны не мог [12].

Также, Ф.Я. Бабкин указывал на недостаточную укомплектованность краевой милиции, что в целом неблагоприятно отражалось и на работе в тундре. На весь личный состав строевых милиционеров насчитывалось 11 человек, из которых всего лишь двое окончили губернские курсы милиции. Недостаток младшего строевого состава отражался на работе милиции, особенно в тех случаях, когда имелась необходимость командировать кого-либо из милиционеров в глухие углы Туруханского края и район ст. Гольчихи. В этих отдаленных местах в зимнее время за недостатком соответствующего надзора создавалась весьма благополучная обстановка для всех любителей легкой наживы. Они занимались выгонкой самогонки и спаивали инородцев, чем облегчали себе процесс спекуляции с пушниной.

Распространение среди инородцев информации об установлении советской власти началось с Тазовской тундры. Поскольку до 1923 г. Туруханский исполком не имел ни средств, ни возможности познакомить инородцев со структурой советской власти, этим пользовались местные князьки-тунгусники, желающие чтобы как можно дольше советизация не коснулась приполярных тундр в Туруханском крае, им было очень жалко расставаться со старым деспотическим порядком, при котором они эксплуатировали своих соплеменников. В 1924 году вместо старого института родовых князей в Тазовской тундре были избраны 5 родовых советов, объединяющих 2 500 инородцев [13]. К весне 1928 г. в Туруханском крае уже действовало 35 туземных родовых советов, хотя коренное население зачастую не понимало их значения для своей жизни [14].

В целом же, острая нехватка финансовых средств, вначале 1920-х гг. наблюдалась не только в Туруханском крае, а в целом по стране. Так, по этой причине советское государство вынуждено было сократить или полностью прекратить бюджетные ассигнования образовательным и культурнопросветительским учреждениям, ввести на территории РСФСР плату за обучение [15].

В январе 1923 г. по результатам заседания, Губернская административно-территориальная комиссия постановила в целях обеспечения свободного развития северных туземцев Туруханского края, для их охраны от капиталистической эксплуатации ввести институт северных инспекторов, а Туруханский край был разделен на четыре инспекторских района: Та-

зовский, Затундринский, Илимпийский и Южный, с назначением в каждом по одному инспектору.

На должность северных инспекторов Енисейским губернским исполнительным комитетом назначались специалисты, изучившие теоретически и практически государственное право и управление РСФСР, подготовленные в области био- и антропогеографии Севера, его этнографии, знавшие материальную и духовную культуру населения полярных регионов. Они должны были следить за исполнением распоряжений власти, инициировать законодательные предложения по охране жизни северных туземцев, их здоровья и промыслового труда, поднятию их культурного уровня, создавать родовые советы [16].

Императивное закрепление за северными инспекторами обязанности одновременного направления своих отчетов как в губисполком, так и в Народный комиссариат по делам национальностей и в Народный комиссариат внутренних дел, было обусловлено, прежде всего, необходимостью выработки единой государственной национальной политики. Основным недостатком являлось отсутствие у северных инспекторов объективной возможности контролировать политические, экономические, социальные процессы в Туруханском крае, по причине штатной малочисленности и обширности подконтрольных им территорий.

Следует также отметить, что на заседании Губернской административно-территориальной комиссии 31.01.1923 впервые обсуждался вопрос законодательного закрепления за Туруханским краем статуса самостоятельной административной единицы уездного масштаба. В результате Президиум ВЦИК поддержал данную инициативу и постановлением от 23.06.1924 выделил из состава Енисейской губернии Туруханский уезд с центром в г. Туруханске (бывшее село Монастырское). Этим же актом утверждено новое административное деление Енисейской губернии, принятое Енисейским губернским исполнительным комитет и утвержденное Сибирским революционным комитетом. Так, Туруханский уезд включал в себя следующие волости: Тазовскую, Затундринскую, Илимпийскую, Южную [17].

Таким образом, северные инспектора способствовали достижению первых продуктивных результатов в работе по советизации туземцев, а создание родовых советов положило начало их сближения с органами государственной власти и становления собственной системы управления.

Библиография:

1. Власов В.А. Понятие и некоторые меры государственной поддержки коренных малочисленных народов (на примере Красноярского края) // Аграрное и земельное право. 2016. № 1 (133). С. 82-87.
2. Власов В.А. Некоторые актуальные вопросы предоставления мер государственной поддержки коренных малочисленных народов Красноярского края // Эпоха науки. 2015. № 3. С. 24-27.
3. Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892.
4. Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 01 января 1896. – Красноярск: Енисейская губернская типография, 1896.
5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 41. Оп. 1. Д. 608.
6. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 259.
7. Чурсина А.С. К вопросу становления образовательной системы традиционных этносов Енисейского Севера в 1920-1930-е гг. // The Newman in Foreign Policy. 2019. № 49-5 (93). С. 10-12.
8. Forsyth J. A history of the peoples of Siberia: Russia's North Asian colony 1581-1990. Cambridge: University Press, 1992. 476 p.
9. Чурсина А.С. Исторический опыт государственной политической программы по созданию советских центров школьного образования и культуры на Енисейском Севере в 1923-1930 годах // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 199-203.
10. ГАКК. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 116.
11. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 871.
12. ГАКК. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 119.
13. Советская Сибирь. 1924. № 107.
14. Леонов Н.И. Туземные советы в тайге и тундрах. Советский север. 1929.
15. Бершадская С.В. «Красноярский рабочий» о проблемах развития народного образования в Красноярском округе в 1921-1926 гг. // Гришаевские чтения: мат-лы I национ. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф., заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2018. С. 118-125.
16. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 259.
17. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1924. № 57.